

Русская мечта — не мечта о Европе, как и не мечта об Азии. Русская мечта — это мечта об особой, евразийской цивилизации.

ПОНЯТИЕ "ЕВРАЗИЙСТВО" настолько широко вошло в употребительный оборот, что давно уже кажется чем-то само собой разумеющимся, а значит — столь же очевидным и понятным. Вместе с тем, эта употребительная широта самого понятия открыла широту трактовок, подразумевающую, зачастую, полную свободу понимать под евразийством всё, что заблагорассудится. Точно так же, как и приписывать евразийству любые негативные черты, что позволяют себе те, кто выступает противником евразийской доктрины.

Вместе с тем, евразийство — довольно строгое и одновременно ёмкое понятие, это весьма конкретное мировоззрение, которое вновь и вновь требует пояснений, дабы избежать чересчур широких трактовок от сторонников, дающих, тем самым, столь же обширную почву для критики со стороны противников. У евразийства есть несколько базовых, константных характеристик, без системного утверждения которых никак не обойтись.

ПРОТИВ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ЗАПАДА

Собственно, отправной точкой для самого возникновения евразийских инициатив стала реакция на высокочерное утверждение Запада (на тот момент — Европы), об универсальности своего исторического опыта и достижений своей, европейской, в целом — западной цивилизации. Дошло до того, что Запад полностью присвоил себе понятия "развитие", "прогресс", "достижения", а слово "цивилизация" отождествил с таким явлением, как западная цивилизация.

Взяв за основу свой опыт развития, Запад попросту заявил, что только это и является, собственно, развитием. Кто не повторяет этот западный путь — тот не развивается. Кто не следует за Западом во всём — тот не идёт по пути прогресса, а значит — вообще находится за бортом цивилизации, ибо цивилизация — это и есть Запад, все остальные — дикари (догоняющие Запад) или варвары (не стремящиеся стать Западом).

На тот момент человечество, действительно было заворожено паровой машиной, первыми зачатками научно-технической революции, невиданными дико-

винами, создаваемыми западными изобретателями и инженерами. Пользуясь таким замешательством под воздействием фансиации от созерцания этих невиданных изобретений, Запад, не особо церемонясь, объявил себя эталоном развития человечества — и точка. По большому счёту, Европа, тем самым, обоsobила от всего остального человечества, одновременно поставив себя в его центр. Именно это и породило ответную реакцию тех, кто отказался признавать высокочерную европейскую универсальность. "Европа и человечество" Николая Трубецкого — своего рода манифест, заложивший основу развития евразийской мысли.

Отсюда вытекает главный принцип Евразийства: отрицание универсальности Запада и его исторического опыта. Евразийство — это не западничество, понимаемое как универсальность. Запад отказывает иным, не западным цивилизациям, в своём собственном пути, а евразийство отказывает Западу в признании его пути универсальным для всех.

Человечество многообразно, и состоит из целого ряда культурно-исторических типов, как обозначал их Данилевский, и Запад — лишь один из них, а не единственный, и тем более, не лучший и не универсальный — вот главный принцип евразийства, лежащий в его основе. Здесь следует добавить, что и Восток не является источником универсальности, и уж тем более — претендующим на первенство.

РОССИЯ — ЦИВИЛИЗАЦИЯ-СУБЪЕКТ

Конечно, нельзя не признать, что некоторые народы и государства действительно, поскоторовали за Западом, соблазнившись его достижениями, и некритично принимая его культурные коды, подражая Европе в её образе жизни, порождая и слепо имитируя логику действий и тип мышления людей Запада. Есть государства, которые последовательно пытаются воспроизвести западный культурно-исторический тип.

Не избежала этой участи и Россия, под воздействием своих элит времён времени погружающаяся в пучину оглтелого западничества, практически растворяясь там, и как следствие, разлагаясь, теряя фрагменты, но вновь оштатываясь и собираясь с новыми силами. И если рассматривать русскую историю, разделяя её на условные этапы, то мы увидим историю внутренней борьбы — евразийства и западничества. Период западничества — сдача позиций, поражение и распад; период евразийства — победа над Западом, осмысление себя особой, не западной, но и не восточной цивилизацией, и новая пересборка.

И здесь, говоря о России, мы обращаемся ко второму постулату евразийства. Россия — это самостоятельная цивилизация, особый культурно-исторический тип, самобытная культура, синтезирующая (а не смешивающая и не слепо перенимающая) в себе лучшие проявления европейской и азиатской культур. В этом синтезе — а не смешении или подражании — и кроется секрет нашей самобытности. Особый тип русской государственности — это синтез политической вертикали и жёсткой централизации монгольской Империи Чингисхана с верой, культурой и гибкостью Византийской Империи Запада, если смотреть на неё из России.

Русский человек — представитель народа, впитавшего в себя лучшее из культур Востока и Запада, но не слившийся с ними в слепом подражании. Русский человек — как часть единой, органической общности своего народа — целен и субъектен, суверенен и самостоятельно определяет собственную судьбу. В этом — его евразийская суть. Не европейская, подражающая Европе, а по сути — пародирующая человека Европы. Не азиатская, слишком далёкая, чуждая,

грубая и не соответствующая тонким струнам русской души, созвучная скорее цивилизации греческой. Но самостоятельная — евразийская.

Русский человек может любить Европу, но при этом оставаться собой (а вот бездумно принимая европейские культурные коды, он перестаёт быть русским), как может любить Азию и народы Востока, заимствуя лучшее у них. В этом смысле, русский открыт для культурного обмена, но закрывается всякий раз, когда Запад или Восток пытаются переделать его под себя. Русский, как писал Достоевский, это "всечеловек", имея в виду его эмпатию и к народам Востока и к народам Запада, но при этом, чтобы сохраниться, ему всегда надо оставаться собой — русским народом, русской культурой, русской цивилизацией, со своей целью, неразрывной в веках русской историей.

Быть евразийцем — это быть особой, самобытной цивилизацией, но касается это не только русских. Быть собой — народом, культурой, органической общностью — это право любого народа, культурно-исторического типа, любой цивилизации, будь то в Европе или в Азии. Кто признаёт это право — евразиец. Кто не признаёт... скорее всего, высокочерный цивилизатор Запада, поработитель народов, колониалист, высокочерный англосак, гегемон, претендующий на глобальное доминирование ввиду своей "исключительности". То есть — не евразиец, а его противник. Онтологический, бытийный, неснимаемый.

ИМПЕРИЯ НАРОДОВ

Русский любит свой народ. А русский евразиец любит свой народ, и поэтому понимает, как можно любить свой народ, оставляя его органическую цельность, его самобытность, его Традицию и уникальную особость. В этом русский евразиец принимает всё многообразие этносов, народов и политических наций как данность, признавая и принимая их уникальную идентичность. В этом заключается ещё один тезис евразийства: принятие многообразия общностей, — очень русский, открытый и широкий по своей сути.

Эту открытость и широту притяия любых идентичностей, эту "всечеловечность" русских многие воспринимают ошибочно. Некоторые — как призыв к смешению (это опровергается евразийским тезисом о сохранении своей уникальной самобытности), а некоторые — как призыв к поглощению: мол, русские всеядны и прожорливы со своими имперскими замашками. И те, и другие ошибаются — наивно или сознательно вводя в заблуждение.

Смешение — абсолютно либеральный, постчеловеческий принцип, как раз насаждаемый Западом и его цивилизаторами, загоняющими человечество в глобальный "плавающий котёл" — подход антиевразийский, т.к. разрушает органическую общность, культурную идентичность, особость народов, размывая их на атомы индивидов. Но и поглощение народов, навязывание им своих культурных кодов — подход также абсолютно не евразийский, а, напротив, западнический, эксплуатирующий, колониальный, рассматривающий представителей иных, не западных народов — как туземцев, дикарей, приравниваемых, зачастую, к живой природе.

Именно вклад десятков, сотен народов в нашу историю и породил самобытную русскую цивилизацию, евразийскую и многообразную, но не смешанную, а упорядоченную, где субъектом является не атомарный индивид, как на Западе, а органическая общность — этнос или народ.

Русским можно стать, приняв на себя русскую идентичность, взяв за основу русский культурно-исторический код, признав русский язык своим,

слившись с русской органической общностью народа. Но сделать это можно только добровольно. Никогда русский, особенно евразиец, не станет загонять вас силой в свой Русский мир — подобные эксцессы есть либо уподобление Западу, с его высокомерием и навязыванием своего опыта, либо уподоблением Востоку, с его грубостью и волюнтаризмом. Евразийский подход открыт к многообразию, но при условии сохранения его субъектности. Евразийская Империя не эксплуатирует, а обустроивает, принимая в себя народы такими, какие они есть. В общем, евразийское, стратегическое единство, а не в "тюрьму народов" плавильного котла западных колонизаторов.

Валерий Коровин

Евразийские константы русского

ЕВРАЗИЙСКИЕ КОДЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

В периоды своего евразийского просветления русские сплачивают народы Евразии, да и всего мира, — на восстание против Запада. В минуты же попутные элиты, дающие сделать глоток свежего воздуха, представляющие нам поистине евразийский размах. Новый курс русского евразийства — дальневосточный. Там Россия открывает новую страницу взаимодействия с цивилизациями Востока: с Китаем, Японией, Кореей, — простирая русский взор в Океанию, к Индонезии и Австралии. Там создаётся синтез, в котором Россия сочетается с великими цивилизациями Тихого Океана", — подчёркивает русский писатель Александр Проханов. Но теперь — на наших, евразийских условиях: без назойливости Запада и его исключительности, сохраняя свою самобытность, уважая цивилизационные, культурные особенности друг друга для взаимного познания и сотрудничества, в рамках складывающихся на наших глазах систем многополярного мира, — вот проект нового евразийства XXI века.

Без либерализма и национализма, этих химер Запада; без "обязательного" западного вмешательства, контроля и надзора, — мы начинаем новый этап развития в мире, где Запад является лишь одной, безусловно важной, но не главной и не единственной цивилизацией в новом, евразийском мире равноправного сотрудничества. Сотрудничества не наций, не либеральных, атомарных торгующих индивидов в бронуновском движении постчеловеческого котла, — а цивилизации, объединяющих близкие по культуре народы в большие стратегические блоки. Таковы принципы русского евразийства, китайского, индийского, арабского евразийства, евразийства Иberoамерики и Африки, освобождающихся от западного доминирования.

Нас усиленно заставляют мыслить в категориях интересов Запада, исходить из его предположек и критериев. Но в нашем евразийском проекте есть свои, не западные константы, о которых следует ещё раз напомнить.

Русские интересы евразийского проекта, направленного на Восток, заключаются в необходимости обеспечить стратегическую безопасность России на

Богатырское прошлое

Я сейчас постебус тут над вами,

А потом из вас показания

Нюхну с костяшки пальцев дорожку,

Наберу телефон подруи.

Она не возьмёт трубу".

10

"На своих и чужих мы не делим,

Все пред Господом виноваты".

Бокий Горькое вёл по келяям,

Переделанным в казематы.

Дели, и чуть было не состоявшаяся в момент начала уничтожения Ирака ось Париж—Берлин—Москва, разрушающая западное доминирование.

И всё же либерализм нас не отпускает. Запад лезет своими сетями, со своими "цветными революция-ми", продолжая обгадывать Россию со всех сторон, со своим либеральным крылом в российский правительстве, с его монетизацией льгот, либерализацией экономики, пенсионной реформой, повышением НДС и прочими либеральными экспериментами над совершенно нелиберальной страной и её народами. Слишком много Запада. Нужен новый евразийский вздох, широкий масштабный. Пора повернуться к Западу спиной, развернуться от него на Восток.

ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ РУССКОГО ЕВРАЗИЙСТВА: К ВОСТОКУ

Задыхнувшись в душном углу замшелого мировоззренческого чулана Европы, мы поворачиваемся на Восток — туда, где открываются широкие просторы, дающие сделать глоток свежего воздуха, представляющие нам поистине евразийский размах. Новый курс русского евразийства — дальневосточный. Там Россия открывает новую страницу взаимодействия с цивилизациями Востока: с Китаем, Японией, Кореей, — простирая русский взор в Океанию, к Индонезии и Австралии. Там создаётся синтез, в котором Россия сочетается с великими цивилизациями Тихого Океана", — подчёркивает русский писатель Александр Проханов. Но теперь — на наших, евразийских условиях: без назойливости Запада и его исключительности, сохраняя свою самобытность, уважая цивилизационные, культурные особенности друг друга для взаимного познания и сотрудничества, в рамках складывающихся на наших глазах систем многополярного мира, — вот проект нового евразийства XXI века.

Без либерализма и национализма, этих химер Запада; без "обязательного" западного вмешательства, контроля и надзора, — мы начинаем новый этап развития в мире, где Запад является лишь одной, безусловно важной, но не главной и не единственной цивилизацией в новом, евразийском мире равноправного сотрудничества. Сотрудничества не наций, не либеральных, атомарных торгующих индивидов в бронуновском движении постчеловеческого котла, — а цивилизации, объединяющих близкие по культуре народы в большие стратегические блоки. Таковы принципы русского евразийства, китайского, индийского, арабского евразийства, евразийства Иberoамерики и Африки, освобождающихся от западного доминирования.

Нас усиленно заставляют мыслить в категориях интересов Запада, исходить из его предположек и критериев. Но в нашем евразийском проекте есть свои, не западные константы, о которых следует ещё раз напомнить.

Русские интересы евразийского проекта, направленного на Восток, заключаются в необходимости обеспечить стратегическую безопасность России на

Возвращение Русской Мечты в сознание народа происходит в чрезвычайно сложной, турбулентной идеологической обстановке. Эта мечта встречается со множеством явлений: из древнего, давнего, недавнего прошлого, из явлений сегодняшней противоречивой действительности. Поэма, посвящённая современной Арктике, и есть моментальный отгиск этого бурлящего, противоречивого процесса, потребовавшего от автора новой эстетики, в которой эпос связан с бурлеском, классика — с иронией, печаль — с горячим абсурдом.

1
Нарисуй мне, географ, страну.
Просто так, от балды.
Ту, в которой все будут красивы,
мудры и твёрды,
Затушуш вечный снег, мерзлоту
и бескрайне льды,
В райский сад преврати
наводящие ужас торосы.
Там, где северный полюс
собрал параллели в пучок,
Морж и белый медведь
приукрасили дивные виды,
Там, где айсберги с грохотом
сводят бокалы (чок-чок!),
За здоровье не Арктики,
а незабвенной Арктиды,
Где густая полярная ночь,
пусть там явятся нам
В ослепительном облике,
жарко, светло, не робея,
Та страна, что сегодня придаст
новый смысл и мыслям, и снам,
Невидимка, легенда,
прародина, Гиперборея.

2
"А не желаете ли "ласточку",
господин профессор
кислые вражеских щей?
Нут-ка, Петро, вяжи полотенце
ему к ногам, а со спины — за шею.
Пусть поешит мальчика. Может,
вспомнит несколько важных вещей,
А не то я и сам объясню ему всё,
как сумею".
Никодим Когтев — с Балтики матрос,
Сотрудник ВЧК и морфинист со стажем,
Любил пытать людей,
и в это дело врос,
Став дознавателем,
и палачом, и стражем.
Гордынин Христофор —
писатель, окультист,
Гипнотизёр и слез по лженаукам,
Был просвещён, но "в помыслах нечист",
За что и подвергался страшным мукам.
Ведь это был со всех сторон
незблёмый он —
СЛОН —
Соловецкий лагерь особого назначения,
Исправительно-исследовательский
эталон,
Место прозрения, презрения, заточения,
Беспросветной тьмы
и умопограничного свечения,
Пропуск в рай
и от дьявольских козней заслон,
Прошлых и будущих ликом миропочение.

3
— Так, говоришь, вы — арийцы,
фашистское семья?
Ну, ну, не мычи! Петро, подослабь узду!
— Мы — арии...
— Хм?то?
— Мы все...
— Вы что, надо всеми?!
— Нет, для всех...
— Что "для всех"?!
— Прокладываем борозду...
— Ты хоть соображаешь,
чем это пахнет, убогий?
Ну, что опять замычал,
как швартующийся пароход?
Как же мне жаль, однако,
что Глеб Иванович Бокий
Не велел до приезда Горького
вас отправлять в расход!

А на Белом море
волна вышлеивает крестик,
И качает палубу, как пракачик
в лапке опробывает весы.
То плывёт на выручку
сам революции буреистник,

Опершись на трость с набалдашником
и распухшие усы.
Подходил теплоход к острову,
глядя на ночь,
Держал под локоть писателя
начальник департамента НКВД,
И рассказывал Горькому Глеб Иваныч
О пользе гиперборейцев и об их вреде.

4
"Гиперборея, это такая борея,
Которая за бореем, то бишь, за севером.
Но, было время, солнце, борейо грея,
Вставало не надо льдом,
а над рожью и клевером.
И не заходило дало.

Такая вот геолокация.
Были равенство, братство,
свободный труд,

И первая на планете цивилизация,
Великая и мозучая, зародилась тут.
А потом, в результате звёздной аварии,
Другим боком
повернулась к солнцу планета,
И гиперборейцы — праславяне
(они же арии) —
Разошлись по разьёхавшимся
частям света.

Теперь тут Арктика,
полярные ночи, северное сияние.
Мы собрали на острове
контрреволюционный учёный люд,
От которых не ждём покаяния,
А надеемся, что они
свет истины нам прольют.
Потому что здесь —
множество жреческих тайн и умения,
И шаманские практики
правят энергией всей.
Но есть и большая опасность
(это — моё личное мнение):
Могут вредители
воспользоваться силой сей".

5
Пока прежние поколения
Не пробили последних днищ,
Всех доводят до испугания
Бловер Груня и репер Дрыщ.
Словами тряся убогими,
Телесами промая диван,
Хоть кругом все — сплошные блогеры,
Груня сделалась "намба ван".
Со своими хмельными нимфами,
Хоть душой и мозгами нищ,
Хайл сорвав корявыми рифмами,
Раскрутился по полной Дрыщ.
Кран открые болтовне и опусам,
Сам невидим, суров и тих,
Кто-то сверху каким-то образом
Кукловодит и троллит их.
Расстопыре глазёнки карие,
От усилий накренена,
Груня топил за тайну ариев,
Не поняв про них ни хрена.
Без порток скача между койками,
Знать не зная таких имён,
Дрыщ, хрипун про Максима Горького,
Буреистника всех времён.
Ну, а там, где сквозь землю голую
Проступил валун Алатырь,
Под расстрел подставляет голову
Зачарованный монастырь.

6
"Едет Максим в страну вечных зим,
Везет идеологический керосин,
Соловки — арктические,
коммунистические пытки,
Требуют мыслительной,
усилительной подпитки.
Максим, дай им максимум.
Подлей в историю касторки.
Ты же — Горький!
Они откроют тебе залежи,
закулки, подкормки.

Чего только тут не понаmeshено!
И Максим засмеялся бешено.
"Я знавал по кабакам беломорских мидий,
О Гиперборея писал Овидий,
Я перевопштаю любого
меньшевицкого баламута,
Арктика — это круто!
Идите ко мне, обижённые,
и великие, одинокие,
Всякие Гордынины, Когтевы
и даже Бокий,
Давайте вместе хлебать
эту ледяную навязчивую жижу.
Тут создаётся будущее, я так вижу,
В этой полярной ночи,
капильярном дыму, тумане —
Поколдуем, поворожим,
попорочествуем, пошаманим!
Чтобы у всех несознательных,
политически неподкованных перцев
Задыхала в сердцах светлых
идей польньи и проталина,
Именем главных гиперборейцев,
Именем вечно живого Ленина,
именем великого
несусветного Сталина!"

7
— Алексей Максимович,
разрешите представить: наш
лучший сотрудник Когтев Никодим.
— Душевно рад! Как поживаеме,
голубчик? Как ваши успехи?
— Да спасибо, товарищ Писатель!
— Что так скромно? Вы же рыцари
революции! Не жмут доспехи?
— Шутить изволите? Чтоб вином
сделать навары, надобно,
чтобы правильно забродило сусло.
Какие же мы лыцары?
Мы, скорей, санитары.

Особливо буйных
направляем в нужное русло.
— Да вы философ однако, батенька,
как говаривал наш Ильич.
— Чего уж там! Мы подковываем
политически даже вшу!
— Как же по нраву мне, голубчик,
весь этот ваш спич!
— Балаболить — дело нехитрое.
— Нет-нет, позвольте-ка я запишу!
"Сусло — русло"
"подковываем даже вшу"...
Это же — просто фольклор!
— Слово больно мурёное!
— Не мудрей, однако,
ваших воистину посконных фраз.
— Тогда пишете: мы идем богатырей!
— Что же не нашли до сих пор?
— Попадаетесь эниль.
Много идёт на сброс.
— Нерачительно, как-то, батенька!
— В самый раз!

8
Блогер Груня, Груня блогер
Мозг снести сумел многим,
Нос повсюду свой суя
И сенсации суля.
Раструбила миру Груня,
Врунья, слетница, иурнья,
Что на стыке трёх морей
Жил народ Гиперборей.
Что (как Ванга предбрехала)
Возле Беломорска слуга
Найден великанский след
И входя славян штиблет.
Тила там открыли дверцы
В мир иной гиперборейцы.
Чтоб бродить туда-сюда
Сквозь пространства и года.
Ведь недаром политзеки
Проксрейли тут все сусеки,
Среди льдов и снежных троп
Отыскали Арктиду чтоб.
И внутри всей этой шняги,
Шастал, впервые дикий взор
В окраевленные стяжи,
Пряча тайные бумаги,
Зная всё, что знали маги,
Полон энева и отвази,
В Соловецкой той шараге,
Он — Гордынин Христофор.

9
"Я — репер Дрыщ,
Я врубаю ритм — "тыдыщ-тыдыщ!"

Я знаю способов пыток несколько тыщ.
И первый — не отвечать вам,
козлам, на ваши звонки.
У вас, у козлов, кишки тонки!
Вот вы мне звоните,
как подорванные, раз, другой,
А я в ответ — ни рукой, ни ногой.
Вас всех колбасит, вы шипите,
как кошек рать,
А мне насрать!
Второй способ —
кричать вам отчаянный рэп.
Быть по ушам. В этом я окреп.
И хоть вы, козлы, друг за друга горою,
Я конкретно панчамы вас урою.
Я знаю любимую вашу пытку —

Иван Кононов

«Три радости» (1916). Художник Николай ПЕРИХ

Заставлять людей
сплутить золотому сплутку.
И при этом впаривать всем идеалы,
Вы же во все века таковы, елы-палы!
Вы пытали дедов моих по повалам,
Вы пытаете нас всех в большом и малом,
У вас крепкие нервы,
вместо мозгов — кирпичи,
Вы — холопы, опричники,
сталинские палачи,
Вы — дворяне. Вы жрали шартрез,
ищу да красную рыбу,
Нас порол, а мы вас потом
за это — на дыбу,
В коммуналках — слёзы лились рекой
да текла беседа,
А потом сосед, спохватившись,
писал донос на соседа.
Пёрли в светлое будущее,
рот раззявая и выпучие зенки,
А при этом друг друга пускали в расход
и ставили к стенке.
Всё: историю, душу, культуру и веру,
и стать — растеряли,

"Мы им Маркса читаем на ночь,
Просветляется жизнь мирская",
"Хорошо, хорошо, Глеб Иваныч", —
Окал Горький, слезу пуская. —
"Я роман тут задулал ныне,
Не считй-ка ты, брат, за наглость,
Но, слышал, тут у вас Гордынин,
Мне б с ним встретиться
с глазу на глаз".
Бокий строго поправил орден,
Поглядел на охрану с укором.
Так ли, иначе — только в полдень
Горький вёл диалог с Христофором.
11
— Христофор... Как вас по батюшке?
— Бокий сын.
— Эка, вы батенька!
Не высоко ль берёте?!
— Ну, ничуть не выше вашего,
дорогой мой Горький Максим.
Вы ведь тоже дух ставите выше плоти.
— Дух-то выше.
Но вот, что такое есть Бог?

— А что-то ещё осталось от них?
— Пустота.
Лишь, требующая наполнения,
оболочка ариев.
— И чем вы тут заняты?
— Цель проста:
Отыскать воскрешение
в лапландском марее.
Я сам, как саами, чудю, меряя и лопарь,
Бываю будущим обеспокоен,
Но мы разгадаем их тайны, держу пари,
И ещё одна тема —
бессмертный воин.
Гордынин, вдруг, задрал голову,
закатил глаза
И запричитал, наподобие ворожеи.
А у Горького снова выступила слеза,
Он увидел глубокий шрам у него на шее...

12
А под утро кошмар нарочитый,
тягучий приснился Дрыщу:
Будто чёрный старик врозно встал
из-за скал, откупорив свой склеп,